

In the 3d century B.C. the acropolis was protected with the defensive wall which crossed the cape occupied by the settlement, from the east to the west. Later the wall was flanked with towers (Fig. 2, 3, 6, 1, 11) on the western and eastern flanks. The wall and towers were rebuilt several times increasing in size due to additional thickening (Fig. 2, 3, 7, 1). In the 2nd century B. C. the acropolis was damaged by a conflagration, which started likely during the wars of Scythians with Chersonesos and Kingdom of Pontos.

In the 1st century B.C. the tower of the western flank was of maximum size (9.9 x 7.7 m). It defended the entrance to the acropolis (Fig. 2, 5). About the beginning of A.D. the defensive structures of the acropolis were fundamentally reconstructed. The ancient defensive wall was

destroyed, the rampart was built, a fosse was dug out and on the top of the rampart a new wall was erected. The eastern tower ceased functioning; they put a rampart to three sides of the western tower and it was of great importance in the defence of the entrance to the acropolis. On the eastern flank, on the brink of the fosse a pro-teichisma was built (Fig. 7, 11).

In the beginning of the 2nd century B. C., probably in view of the threat of Sarmatians the inhabitants left the greater part of the settlement and concentrated in the acropolis. At this period the defence wall was built, the remains of which were found near the northern border of the acropolis. Perhaps, this wall surrounded the acropolis as a perimeter adjoining to the defensive rampart (Fig. 4, 7, 11).

КАТЮШИН Е. А.

СКЛЕП ПЕРВЫХ ВЕКОВ н. э. ИЗ села ЛЬГОВСКОЕ

В 1976 г. археологическая экспедиция Феодосийского краеведческого музея исследовала курган, обнаруженный в 0,6 км севернее села Льговского при прокладке трубопровода. Траншея разрешила западную часть насыпи. Насыпь кургана распахана под виноградник на глубину до 0,50 м; на центральную и западную ее части отброшены отвалы от траншеи. До распахки высота кургана достигала 0,40 м, диаметр — 25 м. В ее восточном срезе прослеживалась стена частично разрушенного погребального сооружения. Непосредственно под распаханным слоем была выявлена покровная плита, которая перекрывала трапециевидное в плане сооружение со сторонами 2,35×3,25 м (рис. 1). Плита примерно таких же размеров найдена в 20 м южнее кургана. Вероятно, она была снята со склепа при подготовке поля под виноградник. Составленные вместе, они покрыли бы 2/3 склепа. Третья покровная плита не обнаружена.

Склеп, впущенный в материк на глубину 1,70 м от уровня погребенной поверхности, ориентирован продольной осью по линии восток-запад. Продольные стены состоят из необработанных, но хорошо сложенных на глине плоских известняковых камней (рис. 1, 5). Они наклонены внутрь склепа таким образом, что погребальная камера имеет в разрезе вид трапеции со сторонами 1,53 м по нижнему основанию, 1,27 м по верхнему (рис. 1, 4, 6). Западная стена в сохранившейся части сложена из более крупных подтесанных камней. Кладки в углах не переплетены. Из таких же камней (средний размер 0,70×0,40×0,10 м) сложены не переплетенные с продольными стенами нижние шесть рядов кладки восточной стены. Седьмой ряд, на высо-

те 0,82 м от пола погребальной камеры, образован одним массивным грубо обработанным камнем, который является одновременно нижним основанием прямоугольной ниши. Эта ниша разрывает верхние двенадцать рядов кладки из небольших плоских плит известняка, сложенных в углах впереплет. Лицевая сторона ниши образована двумя вертикально стоящими, тщательно обработанными блоками, которые оформляют отверстие погребальной камеры. Это отверстие имеет форму прямоугольника со сторонами 0,80×0,47 м. С внешней стороны оно закрывалось хорошо обтесанной плитой и квадратным в сечении продолговатым камнем. Щели тщательно замазаны глиной и забутованы обломками известняка. В склеп проникали через квадратный в плане колодец (0,70×0,70 м, глубиной 0,80 м от уровня погребенной поверхности), который затем заваливался камнями и глиной (рис. 1, 1, 3). Пол погребальной камеры глиняный, с забутовкой из мелко наколотых камней. На полу покоились останки пяти погребенных (рис. 2): два костяка в центре погребальной камеры находились в анатомическом порядке; третий — у западной стены — в том же порядке, но только до прокладки траншеи и разрушения части склепа. В момент раскопок *in situ* сохранились только его голени. Два других костяка были сдвинуты еще в древности при повторных захоронениях: один — в северо-восточный, другой — в северо-западный углы камеры; оба присыпаны глиной. Умершие были положены на спину поперек склепа головами на юг. Кисти рук находились в области таза. Ноги согнуты в коленях, а у двух погребенных в центре камеры перекрещены так, что бедренные

кости и коленные суставы одного костяка перекрывали бедренные кости другого. Головы их покоились рядом, тела соприкасались. Поскольку перекрытый костяк находился в полном анатомическом порядке, можно предположить, что эти два погребения сделаны одновременно или почти одновременно. Нижний погребенный — мужчина. Перекрывавший его плохой сохранности костяк, вероятно, женский. Голова женщины покоилась на обломках обожженной на костре миски, под голову женщины был подложен булыжник. В области груди верхнего костяка находились остатки бронзовой пластины с петелькой и бусы *in situ*, с глазчатым орнаментом. На ноги погребенного у западной стены были надеты бронзовые браслеты с перевязанными концами, рядом с ними находилась лепная круглодонная чашечка, разбитая во время свержения обряда погребения, а также бусы из египетского фаянса, сердоликовая бусина, бронзовые браслеты с перевязанными концами, спиралевидный бронзовый браслет (рис. 3, 3—5, 8—15). В северо-западной части склепа обнаружено несколько древесных углей. В восточной его части, на полу камеры, были найдены разрозненные, лежавшие беспорядочно сердоликовые бусы, бусы из стекла с внутренней позолотой, краснолаковая миска (рис. 3, 2, 17, 18). Последняя находилась в слое натечного грунта на высоте 0,30 м над уровнем пола. Вероятно, она была поставлена в северную часть ниши и попала в заполнение камеры при натекании грунта. Миска имеет кольцевой поддон, стенки округлой формы со слегка загнутыми краями. Внутренняя и, частично, внешняя ее поверхность покрыта лаком. Такие сосуды были широко распространены в Северном Причерноморье во II—III вв. н. э. (1, с. 37 тип 13,9, рис. 2, 3, 4). Более ранним временем датируется инвентарь, принадлежавший погребенному у западной стены склепа. Среди обнаруженных здесь шести бусин из египетского фаянса, три реберчатые (рис. 3, 9, 11). Они изготовлены из плотной мелкозернистой массы и имеют характерную форму: дольки мягких очертаний, параллельные каналу отверстия. Цвет белый с бирюзовым оттенком. Подобные бусы известны по многим погребениям III в. до н. э. — первой половины II в. н. э. (2, с. 33, 34, табл. 6, 28). Аналогичные найденному многовитковые браслеты встречаются в I в. до н. э. — I в. н. э. (рис. 3, 4) (3, с. 152, табл. 48). Браслеты с перевязанными концами, обнаруженные на голенях костяка, датируются II—III вв. н. э. (рис. 3, 6, 7) (3 м. 152, табл. 48). Таким образом, погребение у западной стены совершено не позднее конца I — начала II вв. н. э.

Во II в. н. э. были совершены два погребения в центре камеры. Этим временем может быть датирована миска, на которой покоилась голова умершего мужчины (рис. 3, 1). По форме сосуд

подобен бытовавшим во II—III вв. н. э. мискам: он имеет довольно высокий поддон, резко загнутый внутри бортик. На одном из фрагментов нашего экземпляра сохранился след от круглой в основании ручки. Полных аналогий описываемому сосуду не найдено. Бусы, найденные *in situ*, в области грудной клетки костяка женщины, представлены образцами с глухим желтым покрытием, тремя сине-белыми слоистыми глазками на каждом из них, которые чередовались с бусинками из синего фаянса. Центральная бусина из синеватого фаянса имеет биконическую форму, остальные — боченковидную (рис. 2, 19). Бусы этого типа были широко распространены во II в. н. э. (2, с. 60, табл. 16, 52). Интересна найденная здесь же бронзовая пластинка (рис. 2, 16). Судя по сохранившемуся фрагменту, она имела форму круга, периферия которого покрыта в один ряд пунсонным орнаментом. По меньшему радиусу отбит невысокий рельефный валик, от которого в радиальном направлении протянуты рельефные лучи. Пластина имеет цилиндрическую петельку и является, по-видимому, половинкой складня-амулета.

Инвентарь исследованного склепа не позволяет сделать строго определенных выводов об этническом составе погребенных. Рассматривая особенности погребального обряда, следует отметить, что древесные угли встречаются в погребениях как у скифов, так и у сарматов, веривших в очистительную силу огня. Для тех и других характерен обычай преднамеренной порчи («умерщвления») предметов (4, с. 69). Обращает на себя внимание несоответствие между характерной для сарматов южной ориентировкой умерших и направлением продольной оси склепа по линии восток-запад обычной для скифских захоронений (5, с. 116). Так же, как и в скифских погребальных сооружениях, вход в камеру льговского склепа устроен с востока. Не противоречат скифским строительным традициям и такие приемы, как применение глиняного раствора и возведение горизонтальных каменных кладок из дикарных камней (6, с. 181; 5, с. 119). В то же время исследованный нами склеп не имеет прямых аналогов среди подобных памятников Крыма. Наиболее близкие ему погребальные сооружения найдены на Северном Кавказе: пять склепов у села Гижгид (исследованы И. А. Владимировым в 1897 — 1898 гг.) и один в Тырны-Ауз, открытый П. Г. Акритасом в 1955 г. Элементы сходства этих памятников с льговским склепом состоят в наличии курганной насыпи, входного коридора, заваленного дикарными камнями, входного лаза, глинобитного пола и, наконец, «ложного свода», образованного сужением кверху стен погребальной камеры. П. Г. Акритас и В. А. Кузнецов (7, с. 407 — 414, 8, с. 77 — 78) связывают эту группу погребальных сооружений с аланскими

племенами Северного Кавказа и относят их к V—VII вв. Исследованный нами склеп датируется найденным инвентарем I—II вв. Сходство между ним и названными памятниками Северного Кавказа в силу одного только хронологического разрыва может показаться чисто внешним. Вместе с тем, нельзя не отметить, что помимо единства архитектурных особенностей их сближают и некоторые черты погребального обряда. В частности, наличие миски под головой умершего чрезвычайно характерно для памятников Прикубанья (меотский могильник у станции Пашковской) (9, с. 300). В VI—IX вв. на Северном Кавказе вместо миски часто подкладывали камень. В. А. Кузнецов отмечает возможную связь этой детали погребального обряда с меотским обычаем подкладывания мисок (13, с. 64). Среди опубликованных материалов нам не известны в одновременных могильниках Крыма складни-амулеты или бронзовые пластины, покрытые пунсонным орнаментом, но близкие, в основных чертах, предметы встречаются на Кавказе (10, с. 118; рис. III, 34; II, с. 270, рис. 105, 7, 8). Интересно, что в раннем средневековье складни-амулеты получили распространение среди аланских племен (8, с. 39).

Исследователи неоднократно указывали на наличие в могильниках Крыма некоторых аланских элементов (12, с. 139; 3, с. 184). Результаты исследования льговского склепа, хотя они и не допускают однозначных выводов, позволяют, тем не менее говорить о возможном проникновении аланов в Крым уже в конце I—II вв. н. э.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гу щ и н а И. И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму // Археологические исследования на юге Восточной Европы. — М., 1974.
2. А л е к с е е в а Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. — М., 1975.
3. В ы с о т с к а я Т. Н. Поздние скифы в юго-западном Крыму. — Киев, 1972.
4. В ы с о т с к а я Т. Н. Культы и обряды поздних скифов // ВДИ. — 1976. — № 3.
5. Я к о в е н к о Э. В. Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма // Древности восточного Крыма. — Киев, 1970.
6. Щ е п и н с к и й А. А., Ч е р е п а н о в а Е. Н. Исследования в северном Крыму // АО. — 1966. — М., 1967.
7. А к р и т а с П. Г. Вновь открытые подземные склепы в Бакасанском ущелье // УЗ КБ НИИ. — 1957. — № 11.
8. К у з н е ц о в В. А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. — 1962. — № 106.
9. С м и р н о в К. Ф. Меотский могильник у станции Пашковской // МИА. — 1958. — № 64.
10. А б р а м о в а М. Т. Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и первых веков нашей эры // Археологические исследования на юге Восточной Европы. — М., 1974.
11. Т е х о в Б. В. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. — Тбилиси, 1971.
12. Б а б е н ч и к о в В. П. Некрополь Неаполя Скифского // История и археология древнего Крыма. — Киев, 1957.
13. К у з н е ц о в В. А. Некоторые вопросы этногенеза осетин по данным средневековой археологии // Происхождение осетинского народа. — Орджоникидзе, 1967.

II. Склеп первых веков н. э. из с. Львовское

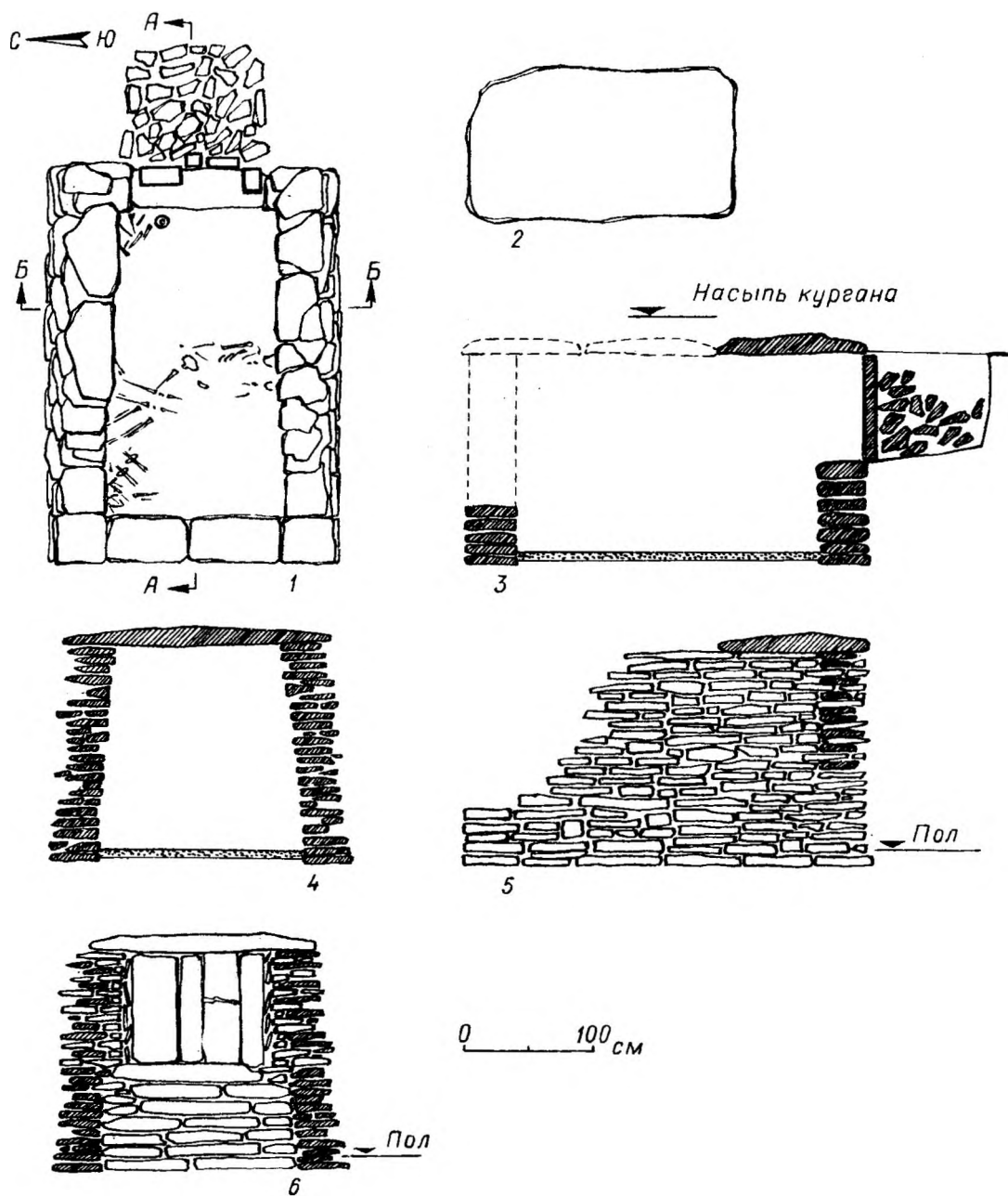

Рис. 1. Склеп близ с. Львовское: 1. План склепа. 2. Покровная плита. 3. Разрез по А-А. 4. Разрез по Б-Б. 5. Фас северной стены. 6. Фас восточной стены.

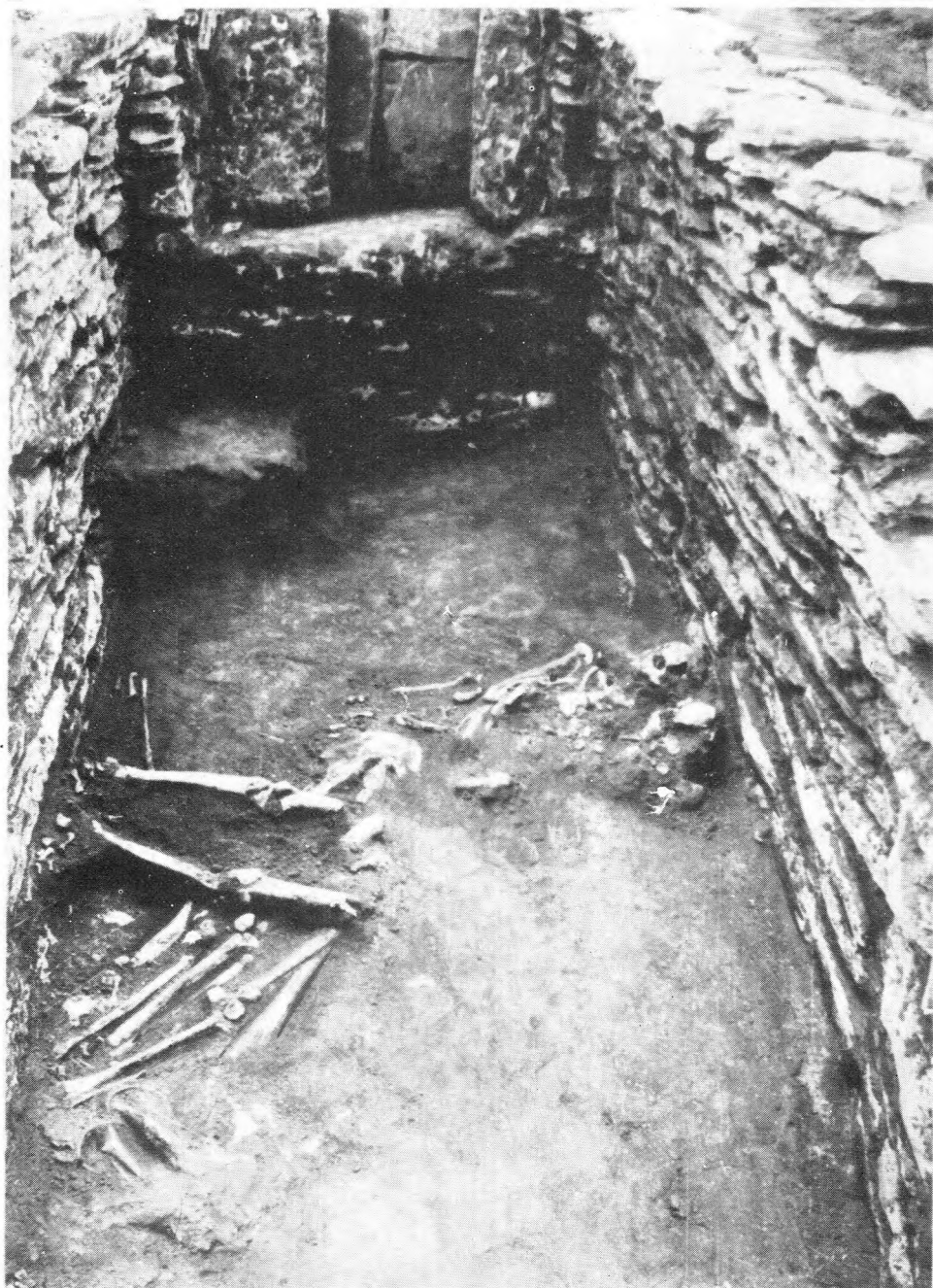

Рис. 2. Общій вид склепа близ с. Львовское.

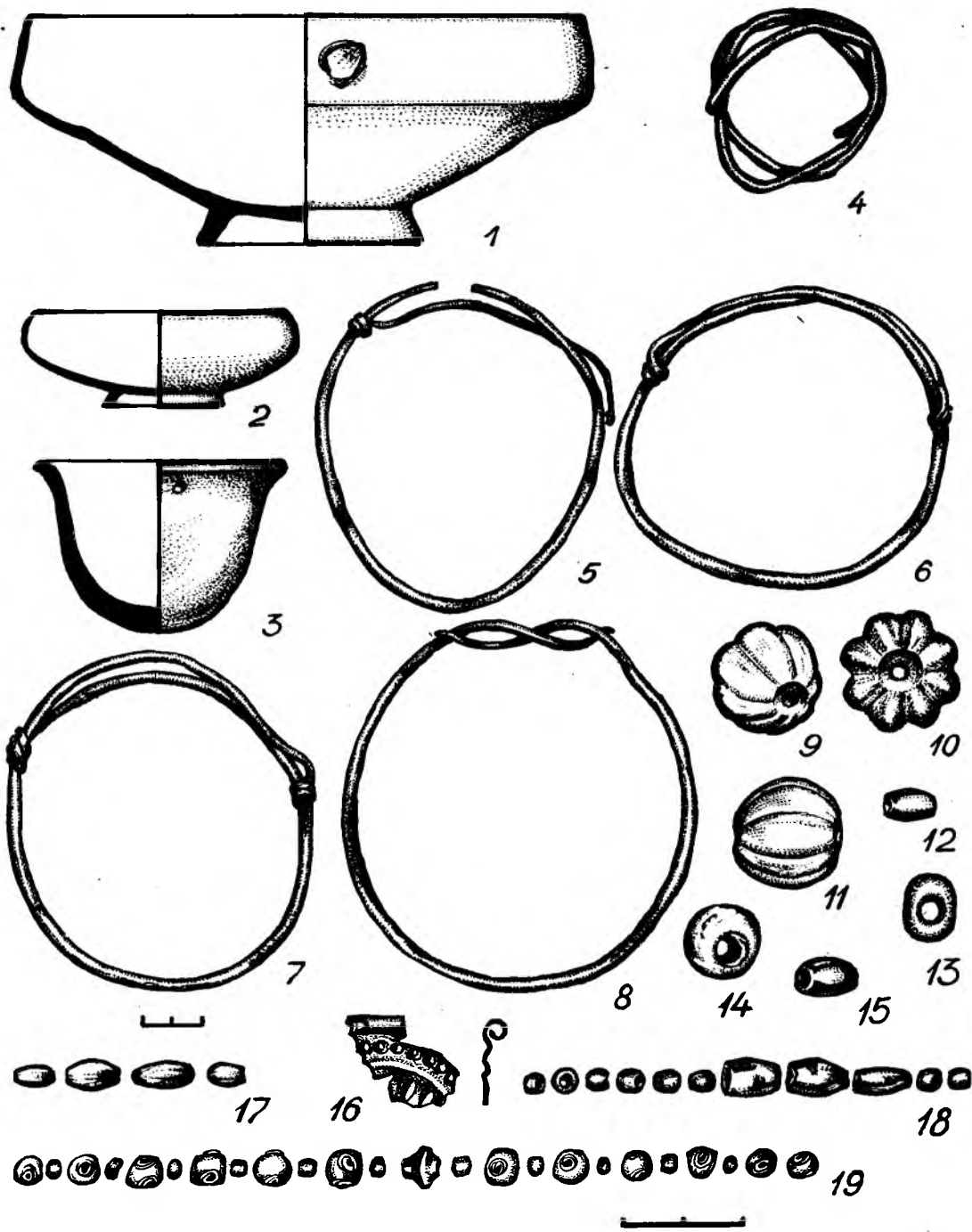

Рис. 3. Находки из склепа у с. Льговское.